

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ИНДИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Памяти

В. С. Воробьева-Десятовского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

37И
П78

Ответственные редакторы
Г.А. Зограф, В.Н. Топоров

Сборник посвящен памяти безвременно скончавшегося талантливого индолога В.С. Воробьева-Десятовского (1927-1958). Статьи освещают различные аспекты истории индийской культуры и индоарийского языкознания.

П $\frac{0061-2004}{042(02)-74}$ 244-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1974

В.С.ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ
3.Х.1927 - 2.УИ.1956

Владимир Святославович Воробьев-Десятовский прожил недолгую жизнь, но оставил добрую и прочную память в сердцах тех, кому посчастливилось его знать. Человек блестяще одаренный, обладавший высокой трудоспособностью, всегда горевший интересом к избранной специальности и неумоимо расширявший круг своих познаний, он вскоре после окончания университетского курса стал в своей области подлинным эрудитом, и разговор с ним был всегда интересен и поучителен. Привлекада в нем и та глубокая внутренняя культура, которая раскрывается постепенно, сказываясь в серьезном и ответственном подходе ко всякому взятому на себя делу и в неизменно ровном, доброжелательном отношении к окружающим.

Биография В.С.Воробьева-Десятовского предельно коротка. Детство в Ленинграде, затем, после смерти отца, переезд с матерью в Ашхабад, обучение в школе. В 1944-1945 гг. - служба в Советской Армии, в рядах которой В.С.Воробьев-Десятовский прошел Румынию, Венгрию и Чехословакию. Потом опять Ленинград - окончание школы и поступление в 1946 г. в университет. Со времени окончания университета (1951 г.) - служба младшим научным сотрудником Сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР и почасовое преподавание на восточном факультете ЛГУ. В 1954 г. - защита кандидатской диссертации, подготовленной в дополнение к основным служебным занятиям - работе над индийскими, тибетскими и центральноазиатскими рукописными материалами. На следующий год - вступление по совместительству в штат преподавателей восточного факультета, где перед В.С.Воробьевым-Десятовским встала задача возобновления прекратившейся с Великой Отечественной войной подготовки тибетанистов. Одновременно планы новых исследований и публикаций,

которым уже не суждено было свершиться: в 1956 г. В.С.Воробьев-Десятовский перенес несколько тяжелых сердечных приступов, и 2 июля его не стало.

Самостоятельная научная деятельность В.С.Воробьева-Десятовского продолжалась неполных пять лет, но и за этот в высшей степени скромный срок он успел сделать удивительно много, внося солидный вклад в развитие советской индологической науки. В этом ему помогла хорошая подготовка, полученная в студенческие годы благодаря неизменно серьезному отношению к избранной специальности и неутолимой жажде знаний, не позволявшей ему замыкаться в рамках обязательной программы. Поступив на индийское отделение восточного факультета, В.С.Воробьев-Десятовский в течение первого года учения совмещал индологические занятия с серьезным изучением математики. Однако уже со второго курса, определив круг своих интересов (а таковым явилось для него изучение древних и средневековых письменных памятников индийского культурного региона), он счел необходимым сосредоточить свои усилия на изучении востоковедных дисциплин, и прежде всего языков. Он занялся сверх программы персидским, с помощью сотрудницы Института востоковедения К.М.Черемисова глубоко изучил классический тибетский, самостоятельно ознакомился с пали, Prakritami, тамильским и некоторыми новиндийскими языками. Особенное внимание В.С.Воробьев-Десятовский уделял санскриту, видя в нем ключ ко всей индийской культурной традиции. О его успехах в изучении этого языка красноречиво свидетельствует тот факт, что, сам будучи студентом четвертого курса, он получил поручение кафедры вести занятия санскритом со своими младшими товарищами. В процессе изучения санскрита он перевел на русский язык известную санскритскую грамматику Ф.Кильхорна. В то же время проявилась и склонность В.С.Воробьева-Десятовского к научным исследованиям. Он активно участвовал в деятельности студенческого научного общества. Написанная им под руководством акад. А.П.Бараникова дипломная работа "Историческое развитие личных местоимений первого и второго лица в языках Центральной Индии" заслужила высокую оценку специалистов. Его студенческая статья о происхождении личных местоимений была опубликована в "Вестнике Ленинградского университета".

В Сектор восточных рукописей Института востоковедения, где протекала его дальнейшая деятельность, В.С.Воробьев-Десятовский пришел как сформировавшийся ученый. Здесь на его плечи легла задача систематизации и описания многоязычных фондов индийских и центральноазиатских рукописей, а также тибетских эпиграфических памятников и ксилографов. Первым объектом внимания В.С.Воробьева-Десятовского явилась коллекция тибетских документов на дереве, собранная С.Е.Маловым. Разобрав эту коллекцию, он дал ее общую

характеристику и опубликовал ряд входящих в нее документов. Затем он обратился к так называемому "индийскому" фонду, включающему в себя рукописи на добрых двух десятках языков Индии и Юго-Восточной Азии. Каталогизация этого фонда, начатая перед первой мировой войной Н.Д.Мироновым, оставалась незавершенной. В.С.Воробьев-Десятовский сверил фонд с опубликованным первым выпуском каталога Н.Д.Миронова, составил список рукописей, не вошедших в каталог (хранится в рукописи), и дал обзор фонда. В последние годы жизни В.С.Воробьев-Десятовский занялся обработкой Центрально-азиатского фонда, собранного русскими исследователями Восточного Туркестана и интересного большим числом хранящихся в нем оригинальных материалов I тысячелетия н.э. После разборки, инвентаризации и составления первичного описания этого фонда (в рукописи) В.С.Воробьев-Десятовский приступил к публикации выявленных им уникальных текстов. Эту работу он начал с издания палеографических (слоговые таблицы) и лексикографических (фрагменты словарей) материалов. Названные материалы, равно как и подготовленные им к изданию ранее неизвестные листы рукописей "Кашйапапариварты", увидели свет уже после его кончины. Предпринятая В.С.Воробьевым-Десятовским публикация новонайденных листов сакской рукописи "Сказания о Бхадре" (рукопись "Е") была завершена М.И.Воробьевой-Десятовской. Заняться планировавшимся изданием санскритской рукописи "Нардулакирна-авадана" и сакской рукописи "Самгхата-сутра" он уже не успел.

Наряду с собраниями Института востоковедения в поле зрения В.С.Воробьева-Десятовского лежали также коллекции индийских рукописей, принадлежащие другим ленинградским учреждениям: университету и Публичной библиотеке. Обработке рукописей из этих коллекций, особенно последней, он посвятил немало своего внеслужебного времени. Работа с рукописями помогла ему стать крупнейшим в СССР знатоком индийской палеографии. Его познания в этой области нашли отражение в ряде статей, написанных им для Большой Советской Энциклопедии.

Изучение рукописей не погасило собственно языковедческих интересов В.С.Воробьева-Десятовского, проявившихся еще в студенческие годы. Продолжение исследования истории развития местоимений в индоарийских языках завершилось написанием и защитой кандидатской диссертации, вышедшей в свет вскоре после кончины ее автора. Наряду с этим В.С.Воробьеву-Десятовскому удалось обнаружить и опубликовать интересные сведения, касающиеся истоков формирования важнейших языков Северной Индии. В последние годы жизни его все более занимали проблемы ранней истории индоарийских языков: их генетические связи с древними индоевропейскими языка-

ми Передней Азии и роль неиндоевропейского субстрата в их дальнейшем развитии.

Однако и этим не ограничивались научные интересы В.С.Воробьева-Десятовского. Круг их неуклонно расширялся. Его привлекала и история древней Индии, и ее философия, и литература. Им был написан посвященный Индии раздел в адресованных учителям средней школы "Очерках истории Древнего Востока". Немало труда вложил он в подготовку второго издания русского перевода "Введения в индийскую философию" С.Чаттерджи и Д.Датта. Помимо помещенных в этой книге дополнений к библиографии им были составлены обстоятельные именной и предметно-терминологический указатели, не включенные в книгу из-за снешки со сдачей в печать (хранятся в Архиве востоковедов ИО ИВ АН СССР, в фонде В.С.Воробьева-Десятовского). О литературном вкусе В.С.Воробьева-Десятовского и хорошем знании предмета говорит выполненный им перевод "Мриччхакатики" Шудраки, а также увлечение Бхартрихари, чьи стихи он пробовал переводить. Незадолго до смерти В.С.Воробьев-Десятовский собирался предпринять новое издание перевода "Приключений десяти принцев" Дандина, выполненного акад. Ф.И.Щербатским. Предполагалось подробно прокомментировать сохранившийся перевод, чтобы полностью раскрыть перед русским читателем своеобразие как индийских реалий, так и художественно-образительных средств, использованных выдающимся стилистом Дандином, а кроме того, дополнительно перевести пять ранее не переведенных вступительных глав романа. Эрудиция В.С.Воробьева-Десятовского в вопросах, касающихся истории индийской культуры, в полной мере сказалась при подготовке примечаний к изданию дневников И.П.Минаева.

Немало внимания уделил В.С.Воробьев-Десятовский истории отечественной индологии. Показательна в этом плане та скрупулезная работа, которую он провел в архивах Ленинграда и Москвы, восстанавливая давно забытые подробности жизни и деятельности Г.С.Лебедева - первого русского, стремившегося широко ознакомить своих соотечественников с нравами и обычаями далекой Индии, где он провел значительную часть своей жизни.

В.С.Воробьев-Десятовский охотно делился своими обширными знаниями. По окончании восточного факультета он сохранил связь с ним, ведя там курсы теоретической грамматики хинди, языка пали, а позднее тибетского языка и специальных тибетологических дисциплин. К его консультациям нередко прибегали как индологи, так и специалисты в смежных областях востоковедения.

Незаурядная широта и глубина научных интересов В.С.Воробьева-Десятовского позволила ему стать на путь таких выдающихся ученых, как проф. И.П.Минаев, акад. С.Ф.Ольденбург, акад. Ф.И.Щербатской. Он возродил начатое С.Ф.Ольденбургом изучение центрально-

азиатских рукописей на санскрите, сакском и кучанском языках; вслед за Ф.И.Щербатским он шел к исследованию северного буддизма, неустанно совершенствуясь в санскритологии и тибетологии и изучая сакский язык; его занятия педи позволяли надеяться, что он продолжит в этой области труды И.П.Минаева; он продолжал и начатое акад. А.П.Баранниковым сравнительно-историческое изучение языков древней и новой Индии. После Великой Отечественной войны В.С.Воробьев-Десятовский первым приступил к разработке тех проблем классической индийской и тибетской филологии, над которыми сейчас плодотворно трудятся многие квалифицированные специалисты.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ
В.С.ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКОГО

1951

Критика теории Н.Я.Марра о происхождении и развитии личных местоимений в свете работ И.В.Сталина по языкознанию, - ВЛУ, 1951, № II, стр. 85-94.

1953

Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С.Е.Маловым, - УЗИВ, 1953, т. VI, стр. 167-175.

Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор, - ЭВ, 1953, II, стр. 70-76, 1 л. илл.

Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, II, - ЭВ, 1953, III, стр. 77-85, 1 л. илл.

Рецензия на работы о тибетских документах: G. U g a y, - "Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae", Budapest, 1955, t.IV, стр. 304-307.

1954

Заметка по индийской эпиграфике (К надписям храма огня в Сураханах, около Баку), - ЭВ, 1954, IX, стр. 83-87.

Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР, - УЗИВ, 1954, IX, стр. 128-142, 2 л. илл.

Восточные рукописи (Бхагаватепурана), - "Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина", сб. II, Л., 1954 (см.: Краткий отчет о новых поступлениях в отдел рукописей за 1952 год, стр. 184).

Историческое развитие личных местоимений в индоарийских языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1954.

О раннем периоде формирования языков народностей Северной Индии, -
ВЛУ, 1954, № 12, стр. 153-160.

1955

- Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, III, -
ЭВ, 1955, X, стр. 68-72, 1 л. илл.
- Новые листы сакской рукописи "Е" (Предварительное сообщение), -
"Краткие сообщения Института востоковедения [АН СССР]",
М., 1955, XVI, стр. 68-71.
- И.П. М и н а е в, Дневники путешествий в Индию и Бирму, 1880 и
1885-1886, М., 1955 (участие в составлении примечаний).
- Памятники искусства Индии в собраниях музеев СССР, М., 1955
(вступительная заметка и подписи к разделу "Рукописи").
- С.Ч а т т е р д ж и и Д.Д а т т а, Введение в индийскую фило-
софию, М., 1955 (дополнения к библиографии).
- V.S. V o r o b y e v - D e s y a t o v s k i, Concerning Early
Contacts between Russia and India, - ISCUS, Journal of
the Indo-Soviet Cultural Society, Bombay, 1955, vol.II,
№2, стр.47-50.
- V.S. V o r o b y e v - D e s y a t o v s k i, An Introduction to
the Indian Philosophy, - VOKS Bulletin, М., 1955, №5 (94),
стр. 87-88.
- V.S. V o r o b y e v - D e s y a t o v s k i, Gerassim Stepanovich
Lebedev (From the History of Russian-Indian Cultural Re-
lations), - VOKS Bulletin, М., 1955, №6 (95).

1956

- К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков, -
"Советское востоковедение", М., 1956, № I, стр. 99-110.
- Древняя Индия, - в кн.: "Очерки истории Древнего Востока", под
ред. акад. В.В.Струве, Л., 1956, стр. 171-218.
- Развитие личных местоимений в индоарийских языках, М.-Л., 1956
(с биограф. очерком, списком трудов и портретом автора).
- Русский инданист Герасим Степанович Лебедев (1749-1817), -
"Очерки по истории русского востоковедения", сб.2, М., 1956,
стр. 36-73.
- И у д р а к а, Глиняная повозка. Перевод с санскрита и пракри-
тов, предисловие и примечания В.С.Воробьева-Десятовского,
М.-Л., 1956.

1957

- О роли субстрата в развитии индоарийских языков, - "Rocznik
Orientalistyczny", Warszawa, 1957, t. XXI, стр. 501-515.

Вновь найденные листы рукописей Кāшйанапариварты, - "Rocznik Orientalistyczny", Warszawa, 1957, t.XXI, стр.491-500.

1958

О некоторых закономерностях развития указательных местоимений в индоарийских языках, - УЗИВ, 1958, XIII, стр. 129-142.

Памятники центральноазиатской письменности, - УЗИВ, 1958, XVI, стр. 280-308, 6 л.илл.

1965

Сказание о Бхадре (Новые листы сакской рукописи "Б"). Факсимиле текста. Транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и приложение В.С.Воробьева-Десятовского и М.И.Воробьевой-Десятовской, М., 1965.

Рецензия: R. E. E s h e r i c k, Notes on the "Tale of Bhadra", - BSOAS, 1967, vol. XXX, стр.83-94.

Не напечатано

Описание центральноазиатских рукописей на санскрите, сакском и кучанском языках.

Ф. К и л ь х о р н, Грамматика санскрита (перевод).

Статьи, напечатанные в Большой Советской Энциклопедии (2-е изд.)

Индийская палеография (в статье: Палеография, т.31, стр. 585).

[Индийское письмо] (в статье: Письмо, т. 33, стр. 103-104).

[Тибетская] литература (в статье: Тибет, т.42, стр. 410-411).

Тибето-бирманские языки (т.42, стр. 412).

Тибетские языки (т. 42, стр. 412).

Тибетское письмо (т. 42, стр. 414).

У-мэд (т. 44, стр. 231).

У-чжан (т. 44, стр. 459).

Хор-йиг (т. 46, стр. 332-333).

Цалун (т.46, стр. 434).

Чакма (т.47, стр.35).

Чалукья (письмо) (т.47, стр. 36).

Чамбиали (т.47, стр. 37).

Чамское письмо (т.47, стр. 37).

Чера (т.47, стр. 123).

Чуг-йиг (т. 47, стр. 460).

Щарада (т. 47, стр. 529).

Щаурасени (т. 47, стр. 547).

Щудрака (т. 48, стр. 222).

Щунга (т. 48, стр. 236).

Щербатской (т. 48, стр. 265).

Информационные статьи, написанные в 1955 г. по заказу "Совинформбюро" для публикации в Индии и Бирме /Установить, в каких органах они были опубликованы, не удалось. Русские оригиналы хранятся в архиве В.С.Воробьева-Десятовского - Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд 117/:

Бирманские рукописи в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Бирманские рукописи в собраниях Ленинграда.

Буддийские рукописи на пали и санскрите в собраниях Ленинграда.

Герасим Степанович Лебедев.

Из истории изучения родства языков Северной Индии с русским языком.

Индийские рукописи в собраниях города Ленинграда.

Советский индолог А.П.Беранников.

S U M M A R I E S

V.N.Toporov

ABOUT BRAHMAN. CONCERNING THE SOURCES OF THE CONCEPT

In this article an attempt is being made to establish connection between the Old Indian concept of brahman and the archaic idea of the world tree, as well as to reconstruct the material form of this concept. The author proceeds from the conjecture that neither the meaning "sacred formula", nor the meaning "universal principle" is original. It becomes clear from the analysis of the Vedic texts and of the descriptions of the rituals (including *Aśvamedha*) combined with the investigations of the phraseology connected with *bráhman* (and *barhís*) in Vedic and their correspondences in Old Iranian, Old Greek, Latin, Slavic, Baltic etc. that the word *bráhman* designated originally something forming a support, foundation, a combination of some material objects, a construction *sui generis* (cf. the meanings "rafter", "cross-beam", "support", "plough-beam", on the one hand, with "pillow", "mattress", "bedding", on the other, retained by the words derived from the IE. **bhelg'h* - in separate linguistic groups). As a consequence of it *bráhman* and *barhís* can be etymologically connected (cf. the similarity of some of their important characteristics and their usage in identical turns). The relation of *bráhman* to the construction of the sacrificial altar also helps to define more precisely what kind of ritual object might be designated by *bráhman*. At last, the analysis of the contextual distribution of *bráhman* (cf. "to trim", "to spread", "to lift", "to bind", "to make", "upper", "lower", "fourfold" and the like) makes one face the same concrete picture. The conjecture of brahman as of a ritual construction is supported by the analyses of texts where it is identified with the world tree (cf. the relation of both to the spatial and temporal coordinates, their connection with the Sun and Moon, with two birds, with the theme of a divine incest, with fourfold classifications etc.). The concept of *bráhman* thus understood is supported by some typological parallels from other traditions (cf. *porta triumphalis*, the ritual construction in Shaman rituals etc.). The article is concluded by some remarks

about the texts connected with bráhmaṇ, the so called brahmodya which are similar in many respects to the series of cosmogonic riddles, connected with the world tree.

Vyacheslav V. Ivanov

AN ESSAY ON THE INTERPRETATION OF RITUAL
AND MYTHOLOGICAL TERMS DERIVED FROM AŚVA-'HORSE'
(THE OFFERING OF A HORSE AND THE AŚVATTHA TREE
IN ANCIENT INDIA)

For the interpretation of the series of terms derived from aśva-'horse' the image of a woman near the world tree (and equivalent to it) is considered to be the most prominent, Old Indian examples of this image are compared to those found in other cultural areas. The old meaning of the image is discussed in connection with ritualistic survivals of the human sacrifice reflected in the horse sacrifice in Indian and other Indo-European traditions. Celtic and Slavic parallels to the ritual aśvamedha are discussed; the importance of the head of the horse is found to be the same in Indian and Rome rituals (as shown by G.Dumézil), Hittite funerary practice and in Slavic customs. The almost identical patterns of the rows of sacrificial animals (starting with the human being) are found not only in India, Greece, and Rome, but in the Hittite Kingdom as well. Aśvattha is understood as the functional equivalent of the ritual pole aśvayūpa, its connection with the horse is identical with the same concept in Old Scandinavian and some other Indo-European mythological systems. The ancient symbol of the deified twins in its connection with the world tree is discovered in Old Indian and other cognate religions. The link between the twins and the birds is found not only in India, but in Africa as well. While the concept of the divine twins is common to various religions and is nearly universal their particular association with the horse is peculiar to Indo-European religions. It is supposed that the ritual equivalence bird=horse is the base of this association, cf. Old Indian ṛjīpya as an attribute of the bird and Urartean Aršibini (the name of the horse of Menua), anagrammatic description of the swift horse (Vedic aśum aśvam), archaeological and mythological data on the 'horse of heaven' probably of Tocharian origin, etc. The binary opposition found in Old Indian and ancient Indo-European rituals are investigated in the light of the cult of the divine twins and the relicts of the Indo-European dual kingship. The dualistic character of

some old Indo-European (particularly Hittite) rituals and myths is discussed from the same point of view.

Ya.V.Vasilkov

KAIRATAPARVA (Mbh.3.39-45): ORIGIN OF THE PLOT

The story contained in chapters 39-45 of the Āraṇyakaparva (the author unites Kairata proper with its natural prolongation in the first three chapters of Indralokagamana) was fairly popular in the latest = medieval Indian culture and has also been quoted and interpreted by a number of European and Indian scholars. It centres around two main events: Arjuna's fight with Śiva-Kirāta and the hero's obtaining the world-guardians' (lokapāla) divine weapons.

The author is inclined to share G.Held's view that the source of the story can be found in initiation myths. Summing up the materials collected by ethnography and the history of religions we can outline a general scheme of the initiation ritual. It is a permanent sequence of the main ritual actions and various details which more or less freely group around them. The mere comparison of the scheme to the Kairata story proves that the order of the main mythic events in the latter (each of them is surrounded by a group of corresponding mythic motifs) is in striking agreement with the sequence outlined above. The coincidences being obvious in so many points, one can hardly consider the resemblance between the two patterns occasional. Thus, G.Held's view is fully supported.

Our explanation, however, would not be satisfactory, unless we mention the correspondence between the Kairata ritual and some other rite (preferably the one practiced in Indian world); a fact which may lead us to some really significant results.

The author considers the initiation rite (as well as any other rite of communion) to be a unity of two differently directed progressions; one of them external, "horizontal", orientated in real space; the other - introversive, "vertical", i.e. aimed to ecstatic knowledge of the highest values of Being (the conception is borrowed from M.M.Bakhtin and G.S.Pomerantz's views of "carnival" and "primitive feast"). These two essential "ideas" of the ritual have their specific expression in every particular case. The specificity of the Kairata ritual lies in the mythic figures of lokapālas (gods of the points of the compass) and the image of vajra, the mythic weapon, which the second progression or "ascending to Heaven" is designed to obtain.

It is surprizing to find these specific features of the Kairata ritual in the initiation rite (abhiseka) of tantric buddhists. Of course, the mystical vajra of tantrists is not just the same as the thunderbolt of vedic Indra; but it is highly likely that historically both are the same. The mystic knowledge cakṣuṣī, revealed to Arjuna by Citraratha in Mbh.1.158., seems to represent the intermediate stage in the process of development from the early vajra myth to the great mystical symbol in the vajrayāna.

In tantric abhiseka it is not lokapalas but the buddhas of the world-quarters who confer the mystical vajra power upon the initiate. But they still have some features and attributes characteristic of the Indian lokapalas. The same can be said about the other buddhist divinities placed at the points of the compass in different concentric circles of the buddhist maṇḍala. It is very likely that these systems of maṇḍala divinities, as well as the group of the buddhist lokapalas usually placed outside the maṇḍala are genetically the ancient Indian lokapala system multiplied and enriched.

There is every evidence that it is the ksatriya initiation rites that can be viewed as the common source of the Kairata ritual and tantric abhiseka. The same can be said with respect to the origin of the royal consecration rites described in the Brahmanic literature. Before including these ksatriya rites in their sacred books, the brahmins reinterpreted them; this is the reason why the basic ideas of the ritual, i.e. the cult of lokapalas and the idea of vajra seem to have been almost completely forgotten in the Brahmanic description. The materials of Kairata and of tantric abhiseka may throw new light on rājasūya, vājapeya and other royal ceremonies and help us to reconstruct their most ancient form.

Śiva appears in Kairata (ch. 40, 41) as the master of the preliminary initiation. There are of course other cases in Hindu mythology which can prove that Śiva is connected with the initiation. Such is, for example, the legend on the origin of Śivarātri; it makes the first initiate of the śaivite religious practice to be a boya, a member of the non-aryan caste of hunters. The appearance of Śiva in Kairata is the result, the author thinks, of the coalescence of two distinct myths: the ksatriya initiation myth with Indra as the chief of the rite and a myth about Śiva as the master of initiation; there is little doubt that the second myth is of non-aryan origin.

Finally the author tries to explain how the appearance of the highest god in the image of a kirāta is possible in the Epic

which generally reveals the ideals of the ksatriya aryaṅs. He mentions the close cultural contacts of ksatra with the nobility of native tribes generally and of kirātas particularly 3 (hence the ksatriya status of kirātas in the later period). These kirāta-ksatriya contacts can also help us to realise how the ancient ksatriya ritual could have penetrated into the primitive tantric cults which developed a few centuries later into the Tantric Buddhist. It is noteworthy that the original homes of this religious system are considered to be the countries formerly inhabited by kirātas (Uddiyana, Nepal, Kamarupa, Tripura).

V.D. Mazo

ON THE HISTORY OF THE PALI LANGUAGE STUDIES
IN BURMA

The Pali language penetrated into Burma with the Theravada Buddhism during the reign of the "Temple Builders" dynasty (1044-1287) and became here for many centuries the language of the religion and learning. The paper deals especially with the activity of the four famous Burmese palists - Shaya U Pye, U Shwe Zan Aung, U Phe Maung Tin and Thiri Pyanchi U Tha Myat - and shows the study of the language in monasteries and at the Court. The scholars of contemporary Burma follow the best traditions of their predecessors in the examination of both the Pali language and literature, regarding it as a key to the folklore of the country reflecting its historical and cultural heritage.

T.Elizarenkova

THE DISTRIBUTION OF PHONEMES IN THE VERBAL
ROOT IN THE R̥GVEDA

The verbal root in the RV can have in the initial position the same consonantal phonemes as the word, i.e. it cannot begin with \bar{n} , th , \ddot{t} , \ddot{th} , \ddot{d} , \ddot{dh} , \ddot{n} . Any syllabic phoneme except $\underset{1}{l}$ is here admissible. The rules, describing the set of phonemes admissible in the final position in the root, differ from those, describing the end of the word. The root can end both in vocalic and consonantal phonemes. In contradistinction to the word final phonemes, among the vocalic root final phonemes $\underset{a}{a}$ and morphologically independent $\underset{g}{g}$ or $\underset{v}{v}$ vowels are prohibited. Among the non-syllabic phonemes in this position \bar{n} , \ddot{t} , \ddot{th} , \ddot{dh} , $\underset{s}{s}$ are missing. 21% of all the verbal roots are open syllables, 79% are

closed ones, roots ending in one consonant make 59% of the whole body of roots, those ending in two consonants make 19%

The structure of the verbal roots in the RV can be as following: V, CV, CCV, VC, CVC, CCVC, VCC, CVCC, CCVCC. The roots are classified according to their final element in two main types: those ending in V, and those ending in C. If the root, belonging to the first type, is represented by V, V can be only a short phoneme (thus roots i, u, ṛ are possible, but not ā, ī, ū). If the root of the first type is CV or CCV, and the opposition of quantity is relevant for V, C can be aspirated only if there is \bar{V} (thus roots bhā, bhī, bhū are possible, but not bhi, bhu).

The most frequent form of the roots of the second type is C^1VC^2 . There exists a certain interdependence between C^1 and C^2 . C^1 and C^2 cannot belong to one varga (thus kag, pabh etc. are impossible). It proceeds from this statement that C^1C^2 (kak, gag etc. are impossible). This concerns also the nasal phonemes (nan, mam are impossible), but not a nasal and a non-nasal consonant of the same varga (nad, dhan etc. are possible). There are no restrictions concerning varga if one (or both) of the C-phonemes is (or are) continuant (thus sad, çuc, sas etc. are possible). The same rule is modelling the root structures CCVC, CVCC, CCVCC. Onomatopoeic roots like jajhjh, jañj, kraks are regarded as non-systematic elements.

If in the root of the type C^1VC^2 with C^1 and C^2 non-nasal stops or affricates C^1 is a voiced phoneme, C^2 cannot be a voiceless one. As a consequence of it three following types of roots are possible:

- 1) C^1 voiceless + V + C^2 voiceless: tap, cit etc.
- 2) C^1 voiceless + V + C^2 voiced: pad, tij etc.
- 3) C^1 voiced + V + C^2 voiced: gugh, bhaj etc. (the last type being modelled by the rules formulated by A.Meillet).

If a C in the root is an aspirated phoneme, no other C of the same root can be aspirated.

If any C, preceding V, is a continuant phoneme, there are no restrictions concerning any C, following V.

If in a CVC root one of the C is represented by h, all the restrictions caused in the root structure by a voiced aspirated phoneme are relevant.

Roots having in pre- and postvocalic position more than one consonantal phoneme can be of the following structure. They can begin with any combination of consonants the word can begin with (except gn-). They can end in three types of consonantal combinations: 1) a nasal + a homorganic non-nasal; 2) two non-sonant,

non-nasal phonemes (most frequent is the combination ks);
3) a sonant + a non-sonant consonant.

The verbal roots of different structural types in RV are also characterized as to their frequencies.

1967.

N.G. Krasnodembskaya

SOME TENDENCIES OF HISTORICAL DEVELOPMENT OF SINHALESE VERB SYSTEM

Great divergence between spoken and written Sinhalese is a feature of paramount importance which can be discovered by the investigation of diachronic verbal structures in this idiom. Remnants of the Middle Indian flexion are found in written Sinhalese; the non-finite verbals have eliminated here the main areas of use of the finite forms; the latter have disappeared almost completely in spoken Sinhalese. Mode, voice and aspect passed from grammatical to the intermediate lexicogrammatical level.

G.A.Zograf

VERBAL SYSTEM IN KABIR'S "SALOKA"

An attempt is made to reproduce adequately the system of verb forms as represented in a limited Medieval Hindi text and to work out some principles of its grammatical description. The text chosen (*ādigrantha, Salōka bhagata Kabīra jīu kē*), compiled in the 15th century, was fixed in Gurmukhi script (Punjab, 1604 A.D.) and bears evident traces of specific Punjabi orthographical rules. Some variant forms depend on the requirements of metrics. The text consists of 243 verses (*dohā*) and contains 922 words qualified as verbal forms.

The system derived is as follows (the ciphers in parentheses show frequency of forms). Non-finite forms include: 1/ Infinitive with -n- (22); 2) Infinitive with -b- (4); 3/ Noun of Agency (8); 4/ Imperfect Participle (used adjectively and adverbially) (38); 5/ Perfect Participle (used substantively, adjectively and adverbially) (35); 6/ Conjunctive Participle in -i (33) and -i-kāi (22). Finite forms are represented mostly by those formed directly from the root or coinciding with participles. To the first group belong: 1/ Simple Present Indicative (corresponds to modern Contingent Future) (364); for the inventory of its personal affixes see the table at the end of § 2.1.1 (irregular variants are given in parentheses, doubtful in meaning - in square brackets);

2/ Absolute Future of two types: archaic (eastern) one with -ih- (13), and modern (western) one with -gā/-gō (20); 3/ Imperative in -i, -u-, -a (?), -hu (48); 4/ Optative (coincides with synthetic Simple Present Passive form) (20). The second group includes: 5/ Habitual Past (form equal to Imperfect Participle) (8); and 6/ Preterite (form equal to Perfect Participle) (177). There are only six instances of analytical tenses widely spread in Modern Hindi: 7/ Present Imperfect, consisting of Imperfect Participle with auxiliary hāi (2); 8/ the now uncommon form of Past Imperfect, consisting of Simple Present form with auxiliary thā (1); 9/ Past Perfect, consisting of Perfect Participle with thā (2), and 10/ Present Perfect (Subjunctive?), consisting of Perfect Participle with auxiliary hoi (1). Besides we find some compound forms with other auxiliaries, mostly of the same type as in Modern Hindi, viz.: Continuative (3), Progressive (1), Durative (12), Potential (3), Intensive (59), analytic Passive, mainly in the sense of Impersonal Negative (6), and some others.

Because of a scarcity of material this picture is incomplete, but it gives an idea of the general structure of Medieval Hindi verb, showing systemic relations of its forms and categories.

A.S.Barkhudarov

NEOSANSKRITISMS OF CONTEMPORARY HINDI

/On the demarcation of the category of neosanskritisms and sanskritisms in Modern NIA languages /

I. By the term N E O S A N S C R I T I S M (NS) we mean any INNOVATION in the structure of words fulfilled in NIA language on the basis of Sanskrit borrowings.

The definition of the category of NS is founded on the structural level, i.e. on the symptom of structural changes.

Though NS often (in most cases) combine both the structural and semantic development - that are the structural innovations, which represent the main point of demarcation between "neosanskritic" and "old sanskritic" types and models (NS-SS). NS often convey old meanings (1) and v.v. SS are used to express a new, recent content (2).

Compare: 1) NS bhāṣan-kartā "speaker, orator" (instead of SS vaktā), NS lipi-kartā "scribe, copyist" (SS lipi-kār), NS vijñān-vettā "scientist", "scholar" (SS vaijñānik) etc.

2) SS *rāṣṭrā* "nation", *rāṣṭrā-pati* "president", *dal* "party", *krānti* "revolution", *vidyut* "electricity", *vimān* "aeroplane", *ākāś-vānī* "radio" etc. ancient words (of OIA word-stock), conveying the modern meanings.

The most part of NS is built on the basis of semantically renewed SS vocabulary, i.e. the new meaning (content) of NS is founded on the structural and semantical innovations of SS borrowings.

II. The deduction of various characteristics (symptoms) of word-function to the three main factors: a) Inheritance, b) Borrowing, c) Formation (Structural Innovation) gives us the possibility to demarcate SS-NS categories qualifying the whole category of NS as the combinatory realisation of the borrowing and the formation-factors in one compound or derivative word-unit. Compare 33 *vimān* "aeroplane" - NS *vimān-cālak* "pilot", SS *antarikṣā* "cosmos" - NS *antarikṣā-yātrī* "cosmonaut" etc. The process is similar to the proper Hindi word-formation (based on Inheritance, i.e. to the combinatory realisation of the Inheritance and the Formation. Cp. SS *vidyut* "electricity" + SS *gṛhā* "home" = NS *vidyut-gṛhā* "power station" - HH *bijlī* + HH *ghar* = NH *bijlī-ghar*, NS *jal-vidyut-gṛhā* - NH *pan-bijlī-ghar* "hydro-electric station".

III. The semantic as well as the structural aspects of NS show the universal process of expressing the new meanings in the new form (structure). Every new meaning has its own semantic structure - the structural (formal) realisation of which is represented in the NS.

<i>vi/kendr-ī/karaṇ</i>	<i>de/centr-al/i-sation</i>
<i>antar/rāṣṭr-īyā/tā</i>	<i>inter/nation-al/ism</i>
<i>antar/rāṣṭr/vādī</i>	<i>inter/nation-al/ist</i>
<i>antar/rāṣṭr-īyā/tā/vādī</i>	<i>inter"/nation-al/ist-ic etc.</i>

The demarcation and correlative distribution of NS and SS formative elements (NS F - SS F) in NS and SS structuremodels (NS M - SS M), i.e. the "morphemic representation" of NS and SS word-units gives us the main idea of their distinctive features as constituents of two different NS and SS subsystems as well as of their similarity (identity) as two parts of one S system. It shows also the main trends of partial development of NS and SS subsystems and the development of S system on the whole.

IV. Structuralistic ("formal") attitude to the study of NS does not give a whole solution of the main problem. NS should also be profoundly studied on the Semantical and Functional levels and, even more, on the extralinguistical basis too. (NS rep-

resents the vast field of studies being the phenomena of proper linguistical as well as sociolinguistical character).

The study of NS as a part of Lexicology, Semasiology and, especially, word-formation represents the field of proper linguistical NS studies.

V. 1. The systematical linguistic study of NS as a partial wordbuilding system of NIA languages, i.e. subsystem of the "sanskritic" system of NIA languages presupposes detailed statistical description and systematisation of the whole complicated and vast stock of SS and NS words and word-elements. It presupposes also the analysis of all the formative elements (prefixes, suffixes, word-affixes) and all the models of previous and contemporary stages of SS and NS word-formation. This is the way of compilation of the Comprehensive Distributive Catalogue of SS and NS formative elements as represented in SS and NS models. (The Comprehensive Catalogue should be based on the data of SS and NS models used in all literary languages, i.e. should be mostly of "pan-Indian" Character). Such an extensive study appears to be only the preliminary but necessary stage in the creation of all-Indian vocabulary, predominantly concerning the fields of new all-Indian international terminology.

2. The second stage is represented in the combinatorial classification of SS and NS formative elements and models, according to their function-productivity and frequencies, as the two integrate parts of one Modern NIA Sanskritic System (SS+NS = S).

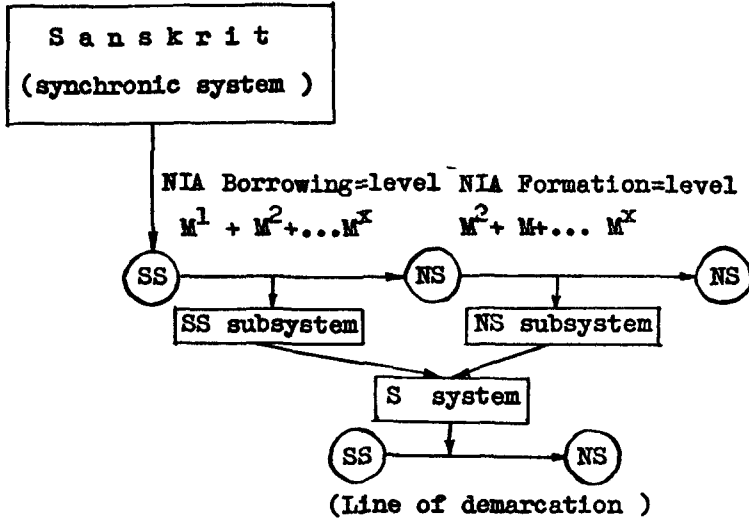
3. Lastly, the third stage consists of the normative analysis of SS and NS elements and models (the standardisation and unification of SS and NS terminology, working out the most optimal system of models, based on the structural, semantic and functional criteria).

VI. Though prefixed and proper suffixed NS are much common in the formation of new words, the main feature of development of NS as subsystem consists in the agglutinating composition: 1 basic-word + 2 formative word (i.e. the composition of the word-base as the first member of the compound with the word-suffix as the second member of the compound in one word-unit, cp. CC hastāksar "signature" - kartā "doer" = hastāksar-kartā "signer").

Approximately 20 proper Sanskrit suffixes and no more than 10 proper Sanskrit prefixes are actively used in the creation of NS words. At the same time even more than 100 proper Sanskrit words and "half-words" are active in NS word-formation as postpositional formative elements. (Only several words are used as formative elements in preposition).

The SS affixes and, predominatingly, NS formative elements are specially used to create the new terminology. This terminological activity represents the most characteristic functional feature of the whole category of NEOSANSKRITISMS.

Principal scheme of level-distribution of "sanskrit words" in MNIA (Modern literary Hindi):

Abbreviations

- NS - neosanskritism; neo-sanskritic
- SS - sanskritism; proper sanskritic
- S - sanskritic
- M - model

[M] NIA- Modern New Indo-Aryan

N.V.Gurov

COMPOUND SENTENCES IN THE HINDI LANGUAGE:

(An attempt of classification)

Analysing the structure of the compound sentences (CS) the author tries to classify them according to /1/ the means applied for combining the principal clause with the subordinate ones, and /2/ to the functional meaning of the subordinate clauses. Comparing CS with the simple sentences, one should not regard it as a mere conjunction of two components (=simple sentences) but as a linguistic unit of a higher syntactic level. Therefore,

besides the usual lineal elements of which the CS seems to be composed (main clause + subordinate clause), we can distinguish in the structure of CS two non-linear (functional) constituents: the informational group (IG), including all the members of the main and subordinate clauses, and the coordinating group (CG), to which belong all the formal elements, denoting the interrelations between the clauses (conjunctions and conjunctive words, relative pronouns, nominal and pronominal antecedents etc.).

Different types of the CG fit to the different types of the CS. Among them we can recognize the undivided (compact) CG, filling one place in the sentence, and divided (diffuse) CG, consisting of two or more elements. The CG is of a replacive type, if its components are put in the CS instead of the members of the constituent simple sentences; otherwise its type is an additive (complementary) one. The CS with the diffuse replacive CG structurally belong to the mononuclear (oriented) type, while those with an additive CG are of the binomial (non-oriented) type. In the mononuclear CS the subordinate clause has a special connection with a particular member of the main clause, while in the CS of the binomial type the dependent clause refers to the principal one as a whole. The binomial CS can be divided into two sub-types: the contrastive (with the diffuse-additive CG) and the explicative (the CG is a compact-additive, usually). Minor sub-divisions of the CS could be made according to the meaning of the subordinate clause.

B.Zaharyin

ON THE FORMATION AND THE DISTRIBUTION (FUNCTIONING)

OF THE PARTICIPIAL FORMS IN KASHMIRI

In the course of the historical evolution the "original" participles got to be used as components of the tense-aspect system of the Kashmiri verb; as a result - a set of secondary formations (the so-called "complex participles") was developed in the language. The problem dealt here has two aspects: 1/ formally equivalent items turn to be syntactically different (that is: they are functioning differently in the context of an utterance); 2/ formally different items are used in - it looks like - the same function in an utterance. It is demonstrated how the Kashmiri language system in its urge towards a one-to-one corres-

pondence between units of the plan de contenu and the plan d'expression was (and still is) re-patterning different verbal formations: participles, verbal adverbs, nouns of agent, time-aspect verbal forms etc.

A set of the strict morpho-phonological rules is given to show the process of formation of the participial forms differing by gender and number; a system of declension of the attributively functioning participial forms is also described.

Some changes in the Kashmiri participial system are characterized:

1/ certain forms, described by G.A.Grierson in his "Essays on the Kashmiri Grammar", are in no use in the modern literary language;

2/ new forms, not attested by Grierson, appeared.

It is demonstrated that there is actually only one "noun of agent" in Modern Kashmiri (=wo:l form); the pseudo-agentic -wun forms are now used mostly as the attributive formations, gradually ousting "primary" imperfective participles in -a:n out of this sphere of usage. - Because of the high functional load of the -a:n-participles, their usage is little by little being restricted and comes to the functioning only in the time-aspect system of the Kashmiri verb.

It is shown that there are two sets of morphologically homonymical but functionally different formations in -mot:
1/ one-perfective participles, used attributively; 2/ the other-functions as part of the tense-aspect system, forming the Perfect and the pluperfect "analytical" tenses of the Kashmiri verb.

Through the process of contextualisation of forms the distributional (functional) characteristics of the different -a:n formations are settled. Cases of structural ambiguity are analysed on the syntactic level (in the immediate constituents and transformational terms).

In order to show distinctly the functional differences between Kashmiri and (structurally equivalent) Hindustani participial forms, the corresponding distributional patterns of the two languages are compared.

